

ГЛАВА 2

Я брела по пляжу, держа в руке намокшие босоножки, и размышляла о своем романе. Там река Стремна впадала в море. Я не знала, было ли то море ласковым или же грозило волнами крутому берегу. В моем воображении четко отпечатались только стоявший на Стремне город-застава Свирь. Будто именно он был центром всего и оправдывал своим существованием существование целого мира.

Дойдя до лестницы, я остановилась, передумав догонять девчонок, и оглядела пляж. Семейство уже ушло, а мужчина все еще был здесь. Он сидел, опираясь локтями на согнутые колени и низко опустив голову. Мелькнула мысль вернуться и спросить, все ли с ним в порядке, но в этот момент мужчина вскинул голову, подставляя лицо ветру. Зрение не позволяло мне его толком рассмотреть, но, кажется, у него все было хорошо. Поймав себя на том, что стою и пялюсь на чужого человека, я поспешила отвернуться.

Длинный высокий пирс, уходивший в море метров на пятьдесят, оказался пустым, и я решила немного по нему прогуляться. Именно это решение стало точкой, разделившей мою жизнь на до и после.

До конца пирса дойти я не успела. Ветер поднялся внезапно, как будто над морем кто-то включил гигантский вентилятор. Я обернулась. Волны, еще секунду назад добежавшие едва до середины пляжа, врезались теперь в ограничивавшую его каменную стену. Обломок брошенного яркого зонта,

забытая кем-то плетеная сумка, ветки, сложенные из камней пирамидки — все это в мгновение ока оказалось смытым водой. Я отыскала взглядом мужчину. Он стоял посреди набегавших волн, явно не собираясь никуда уходить, и успевшая было зародиться во мне паника отступила. Раз местные ведут себя спокойно, значит, такая резкая смена погоды — обычное здесь явление. К тому же пирс возвышался над водой метра на два, так что мне явно ничего не грозило. Успокаивая себя подобными мыслями, я все-таки двинулась в сторону пляжа.

Волна, поднявшаяся рядом со мной, как в фильме про конец света, обрушилась на пирс и сбила меня с ног, каким-то чудом не смыв в море. Упав, я ссадила о камень ладонь и, кажется, разбила коленку. Во всяком случае, ее тоже защищало от соленой воды. Решив на этом закончить прогулку, я вскочила на ноги, подхватила намокший подол и бросилась к берегу.

Следующая волна встала прямо на моем пути, будто стихия решила сыграть со мной в жестокую игру. «Наверное, именно так видят море серферы, когда ловят свою волну», — невпопад подумала я за миг до того, как вода обрушилась на меня сверху, смывая с пирса и унося прочь от берега, точно щепку.

Море было моим другом с самого детства. Став взрослой, я включала шум прибоя, если не могла уснуть или мне нужно было успокоиться. И вдруг море так меня подвело. Эти глупые мысли бились в голове, пока я отчаянно боролась с волнами, швырявшими меня из стороны в сторону, как куклу. Шансов победить в этой игре со стихией не было. Когда пятая по счету волна накрыла меня с головой, я, наглотавшись соленой воды, с трудом вынырнула и поняла, что, кажется, это моя последняя возможность увидеть небо и сделать вдох.

Небо, как назло, было серым и хмурым и сливалось цветом с грохочущими волнами. Я попробовала разглядеть

берег, но поняла, что не знаю, с какой он стороны. Очередная волна хлестнула меня по лицу, и стало ясно, что это действительно конец. Сил держаться на поверхности почти не осталось.

— Помогите! — попыталась крикнуть я, но вновь глотнула воды и ушла под воду.

Как же глупо было погибнуть вот так: нелепо и неожиданно. Всю жизнь быть осторожной, рассудительной, занудной перестраховщицей, а в итоге оказаться смытой в море и погружаться теперь все глубже, чувствуя, как в голове звенит от недостатка кислорода.

А ведь девчонки ждут меня у кафе. А дома ждут родители. Я в отчаянии взмахнула руками и вынырнула в очередной раз, не понимая, что собираюсь делать, просто зная, что погибать вот так, бессмысленно, не хочу. Вдруг что-то твердое ткнулось мне под локоть, и оказалось, что у меня еще оставались силы испугаться. Воображение успело нарисовать акулу, но на моих глазах волна подбросила ввысь большой обломок то ли коряги, то ли деревянного мостика, и я потянулась за находкой.

Не сразу, но мне удалось ее поймать. Уцепившись за скользкое дерево и старательно отгоняя ассоциации с классикой кинематографа, я попыталась отдышаться и оглядеться, чтобы понять, в какую сторону грести. Но берега не было. Нигде. Мое сердце ухнуло в желудок, а потом подлетело к горлу. Как это возможно? Меня ведь смыло несколько минут назад. Где фонари с набережной, которые включались при первом намеке на сумерки? Где освещение центральной площади? Не могло же море затопить целый город? Он ведь высоко!

Некоторое время я еще старалась осмыслить случившееся, но потом поняла, что важнее решить, что делать дальше. Пока единственным адекватным действием казалось оставаться на месте и ждать помощи. Это было разумно, логично и... до ужаса страшно, потому что я была совсем одна

и, насколько хватало глаз, видела лишь бескрайнее море, ошестинившееся свинцовыми волнами.

Стуча зубами от холода, я попыталась себя подбодрить, сказав вслух:

— На дворе двадцать первый век. Меня непременно найдут.

Однако мой голос прозвучал так жалобно, что я невольно всхлипнула.

Господи, кому я вру? Кто будет меня искать? Мы же здесь дикарями! Мы не зарегистрированы ни в одном отеле! Оставалась надежда на девчонок, которые, когда им нужно, кого хочешь достанут. Но сколько времени у них на это уйдет? Буду ли я еще жива к тому моменту?

Стараясь подавить панику, я изо всех сил напрягала слух, чтобы не пропустить шума мотора, гула вертолета, хоть чего-нибудь, но слышала только плеск успокаивающихся волн. В голове крутились мысли о человеке, оставшемся на берегу. Видел ли он, что меня смыло с пирса? Сообщит ли он спасателям? Жив ли он сам?

Почему нам всегда кажется, что беда — это то, что происходит с другими? Почему к ней невозможно оказаться готовым?

Тщетно вглядываясь в бескрайнее море, я отплеывалась от бивших в лицо волн и изо всех сил сжимала холодное дерево. В голову почему-то лезло, что мой последний перевод про ледники так и остался неотредактированным. Вроде бы было не срочно, а теперь... И мой роман запаролен на ноутбуке. Последнее особенно огорчало. Вдруг бы мне за него премию какую-нибудь дали... посмертно. Из моего горла вырвался нервный смешок, тут же превратившийся в еще один всхлип.

Небо решило поддержать мое настроение дождем.

В первый раз в жизни меня накрыло волной глухого отчаяния. Скоро совсем стемнеет, а в темноте шансы быть

обнаруженной в открытом море стремятся к нулю. И самое ужасное — я никак не могла повлиять на ситуацию. Кто я против могучей силы природы? Чем я для нее отличаюсь от щепки или мусора, случайно оказавшихся в воде?

Я дрожала от холода, а мои зубы стучали так громко, что, появившись здесь моторная лодка, я бы ее не услышала. В голове крутились мысли об акулах и десятках метров глубины под ногами. И какими же мелкими и незначительными казались мне сейчас все мои прежние страхи и проблемы! Вечные претензии и требования со стороны мамы, отстраненность отца, несложившаяся личная жизнь, да даже моя сумасшедшая безответная любовь к преподавателю в университете выглядела сейчас мелкой и ничтожной по сравнению с этим бескрайним морем.

Ночь наступила внезапно, как бывает только на юге. Минуту назад пространство вокруг было просто серым — и вот оно уже чернильно-черное, как будто кто-то невидимой рукой нажал на выключатель. Я с детства панически боялась темноты. Мне всегда мерещились чудовища в углах комнаты и в сумеречных очертаниях предметов. И вот теперь неразличимые в темноте капли дождя шуршали, стучали по воде и шлепали по моему лицу, населяя мир вокруг воображаемыми монстрами. Не знаю, почему я не разжала руки и не позволила ледяной тьме поглотить меня и утянуть в глубину. Наверное, где-то на краю сознания билась мысль, что это все ненастоящее и происходит не со мной. Слабые попытки позвать на помощь закончились сорванным голосом. Разумеется, на зов никто не явился.

Какое-то время я прислушивалась к плеску волн и стуку собственных зубов, а потом прошептала, сама не зная, к кому обращаюсь: «Пусть что-нибудь случится. Пожалуйста. Я больше так не могу. Я согласна на все».

Стоило мне замолчать, как во тьме появилось пятно. Пятно было странным — расплывчатым и покачивающимся.

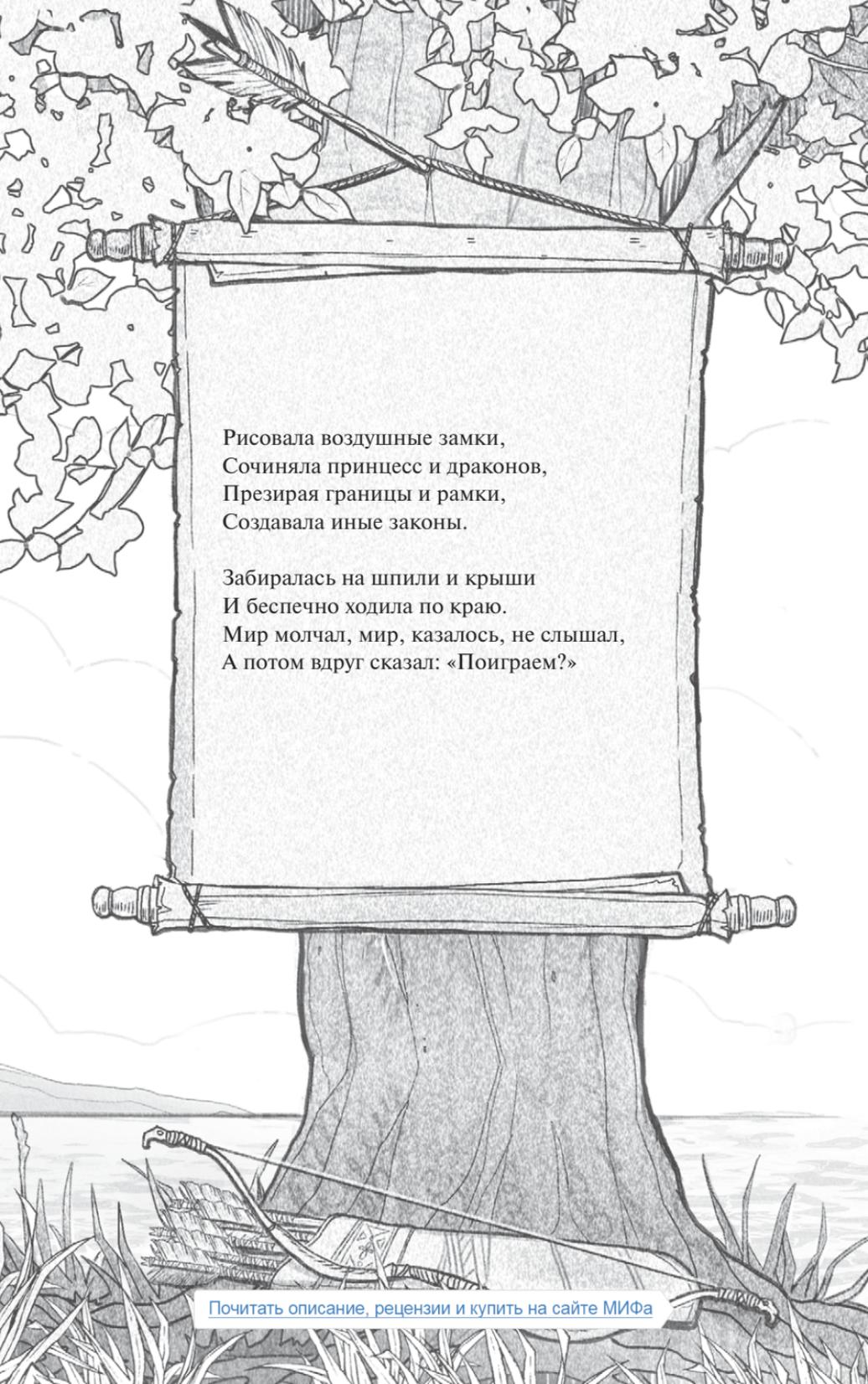
Но это был... свет. Свет — это значит люди. Это значит тепло, спасение. Меня сейчас подберут. Ничего не закончено!

Однако эйфория быстро уступила место панике. Тусклый свет приближался, но кто сказал, что на лодке меня увидят? Это же море. Оно бескрайнее, и в нем каждый год пропадают десятки людей. Сколько из них перед смертью задыхалось от надежды, до последнего не веря, что спасительное судно пройдет мимо, попросту не заметит?! Я снова попыталась закричать, но перетруженные связки выдали лишь еле слышный хрип. Попытка высунуться сильнее из воды едва не закончилась потерей коряги. Мне оставалось только молиться, чтобы этот тусклый покачивающийся свет не исчез и не прекратил приближаться.

Я никогда не думала, что буду на что-то смотреть с такой надеждой и верой, шепча про себя: «Пожалуйста... пожалуйста... иди сюда... Я здесь...»

Свет приближался, не меняя направления. Он будто слышал и двигался точно на меня. Но вдруг, невзирая на отчаянную надежду, в мой затуманенный усталостью и страхом мозг пришла первая тревожная мысль: почему не слышно мотора? Спасательный катер не может идти бесшумно. Впрочем, я тут же попыталась себя успокоить: вероятно, они выключили двигатели. Я ведь не была сильна в судоводных вопросах и спасательных операциях и понятия не имела, как это все происходит. Но неясная тревога не отступала. За первой мыслью пришла вторая: свет движется не от берега. Я не могла объяснить свою уверенность, но вдруг четко поняла, что земля — в другой стороне. Внутренний голос пытался остудить подозрительность, убедить, что мои нелепые сомнения — это от усталости и шока, но что-то не давало мне покоя. И мгновение спустя я поняла что: свет подрагивал. Не мягко покачивался на успокоившейся глади воды, а именно подрагивал. Как будто он был... не электрическим. Вспомнились фильмы про древних мореходов и отчего-то факелы.

Спустя еще мгновение я подумала, что зря так опрометчиво умоляла этот огонь приблизиться, потому что ужас сковал меня почище холода. Из темноты, разрезая килем редкий туман, тихо шла... деревянная лодья. С поднятых весел слетали капли воды, а мутный свет, еще минуту назад дававший надежду, выхватывал из темноты оскаленную морду какого-то чудовища, украшавшую нос. Мозг попытался найти логичное объяснение увиденному — от сна до поклонников ролевых игр, забравшихся слишком далеко от берега, — когда я услышала жуткий визг. И не сразу поняла, что он мой.

A black and white illustration of a scroll with text, resting on a tree trunk. The scroll is tied with a cord and has decorative knobs at the ends. The background shows a tree with leaves and a landscape with water and hills.

Рисовала воздушные замки,
Сочиняла принцесс и драконов,
Презирая границы и рамки,
Создавала иные законы.

Забиралась на шпили и крыши
И беспечно ходила по краю.
Мир молчал, мир, казалось, не слышал,
А потом вдруг сказал: «Поиграем?»

ГЛАВА 3

Сознание возвращалось медленно. Сначала вернулись звуки: плеск волн, крики чаек и негромкие чужие голоса. Потом вернулось обоняние — пахло деревом, солью, морем и... псиной. Я попыталась пошевелиться — и мой затылок прострелила острая боль. Запах усилился, вызывая тошноту. Мерное покачивание палубы только все усугубляло. Приоткрыв один глаз, я увидела над собой серое предрассветное небо, расчерченное полосами темных облаков. Где-то рядом горел фонарь, отбрасывая пляшущие тени на борта лодки. Еще одна попытка пошевелиться привела к очередному приступу тошноты.

— Очнулась, что ли, девонька?

Голос прозвучал совсем рядом, и я невольно дернулась, стараясь отодвинуться подальше от его обладателя. Плечо уперлось во что-то острое, и шуба (или что это было: лохматое и пахнущее псиной?) начала сползать. Я распахнула глаза, поняв две вещи: под шубой на мне ничего нет и я действительно нахожусь на борту деревянного судна. Спасительную мысль «это сон» отогнала острая боль в горле и затылке. Во сне ведь ничего болеть не может, правда?

Говоривший сидел рядом, глядя на меня из-под повязки, стягивавшей его лоб. Я бы не взялась определить его возраст. Волосы под повязкой были седыми, но глаза смотрели зорко. Да и руки, не перестававшие вязать рыболовную сеть, двигались проворно и ловко.

— Где я? — произнести это вслух почти не получилось, но он понял.

— Позади все, — сказал он и вдруг улыбнулся обветренными губами.

«А вот это еще вопрос!» — подумалось мне. Но испугаться всерьез не получилось. Наверное, для моего мозга все случившееся оказалось непосильным испытанием, и он пока решил просто принимать все как есть.

— Где моя одежда? — снова проскрипела я.

Горло драло нещадно, но по сравнению с общим положением вещей это, пожалуй, было мелочью.

— Сушится, — он снова улыбнулся, а потом добавил: — Ох и напугала ты нас, голубка! — и посмотрел при этом так, будто... Будто он меня знал!

— Я... Кто вы?

— Я Улеб. Не признала? — ответил он так, словно это все объясняло.

Улеб. Такое имя встречалось только в книгах про Древнюю Русь. Неужели правда ролевики? Но тогда тем более откуда я могу его знать? Это какой-то розыгрыш? И все же что-то удерживало меня от того, чтобы потребовать прямого ответа, поэтому я просто осторожно произнесла:

— Хорошо... Улеб. Я... нет, не признала.

После этих слов мужчина слегка нахмурился и отложил в сторону снасти.

— Ты потерпи, — зачем-то сказал он. — Скоро воевода придет.

Воевода? Я сцепила руки в замок под невыносимо пахнущей шубой и попыталась не трястись.

— К-куда мы плывем?

— К берегу.

— Господи! Я понимаю, что не в открытое море. К какому берегу? — шок наконец начал отступать, и меня все-таки

затрясло. Прижав ладони к лицу, я попыталась не зарыдать в голос.

— К нашему, девонька. Да ты не тревожься так. Ишь, дрожишь, как птица. На вот, выпей.

Моей руки коснулось что-то прохладное. Я осторожно села и посмотрела на протянутую кружку. Она была деревянной, с коваными обручами. Несколько секунд я как замороженная разглядывала кружку, понимая, что видела что-то подобное лишь в музеях или на картинках.

— Я не могу. Меня вырвет, — наконец ответила я.

— Не вырвет, девонька. Пей.

В кружке оказалось что-то похожее на квас, только с запахом трав. Жидкость была теплой и вопреки ожиданиям неплохой на вкус. Но самое удивительное — желудок почти сразу успокоился.

— Мне нужно одеться, — твердо сказала я, возвращая кружку, и, спохватившись, добавила: — Спасибо.

Человек усмехнулся в бороду. Совсем по-отечески.

— Да разве на тебя тут одежду найдешь? Разве что Олегову? Так он... сам, — Улеб сделал странный жест куда-то за борт, а потом встал с ловкостью, которая мне была, пожалуй, недоступна, особенно на качающейся палубе, и отвернулся, чтобы уйти.

— Куда вы? — пролепетала я, вдруг представив, что останусь одна среди... среди... незнакомых людей.

О да! А этот товарищ, назвавшийся странным именем, мне, конечно, знаком. И у него, конечно, самые добрые намерения. Я сглотнула, вновь почувствовав тошноту.

— Вернись, девонька. Отдыхай пока.

Он скрылся за куском плотной ткани, свисавшим с палубы (или как она правильно называлась?), я же глубоко вздохнула, поморщившись от запаха псины, и начала осторожно оглядываться по сторонам. Я лежала на широкой деревянной скамье у борта. Утренний ветер трепал грязную

ткань, которой была отгорожена эта часть лодки. Скучный свет кованого фонаря выхватывал корабельные снасти и деревянные части судна. Почему мне на ум пришло слово «лодья», когда я увидела надвигавшегося на меня монстра, я не знала. Возможно, оно называлось как-то иначе.

Все здесь было именно старое, а не стилизованное под старину. На деревянном дне я не заметила стыков, будто судно было выдолблено из цельного ствола, и я даже не могла себе представить размер дерева, использованного для его изготовления. Борт, к которому крепилась скамья, был дощатым и пах смолой. Доски здесь соединялись металлическими скобами, покрытыми ржавчиной. Я не могла этого объяснить, но казалось, что судно насквозь пропахло морем и ветром. А еще оно словно дышало. Как любая вещь с долгой историей. Сколько бы денег ни вложили в него современные любители старины, вряд ли они добились бы подобного результата. Да и Улеб не походил на дядечку из соседнего двора. Весь его облик был каким-то нездешним: несвежая повязка на лбу, кудрявая борода, мозолистые ладони...

Несмотря на головную боль, я села, прислонившись к борту, и за неимением ничего лучшего натянула на себя вонючую шкуру. Что происходит?

Я принялась прислушиваться к разговору мужчин, сиюсья понять хоть слово. Говорили тихо. Голоса были низкими и незнакомыми. Внезапно речь стала быстрой, взволнованной, и послышались тяжелые шаги. Кто-то бежал в мою сторону. Я сжалась на жесткой скамье.

Тяжелая ткань отодвинулась, и в пятно света шагнул Улеб, а за ним показался человек, первое впечатление от которого я могла бы описать одним словом: витязь. Он был высоким и могучим. Если бы здесь был потолок, так бы и напрашивалось «подпирает потолок». Услышав от Улеба «воевода», я ожидала увидеть человека как минимум средних лет,

но мужчина был неожиданно молод. Широкие плечи под свободной рубашкой, кожаный ремень с ножнами, из которых... торчала рукоять ножа. Почему-то мой взгляд зацепился за эту костяную рукоять и никак не мог оторваться. В мозгу набатом стучала мысль: это же настоящий нож и его обладатель наверняка умеет им пользоваться. Я сглотнула и, заглянув в лицо мужчине, постаралась рассмотреть его черты при довольно скудном освещении. Темноволосый. Кажется, темноглазый — с такого расстояния понять сложно. Пожалуй, я бы даже назвала его красивым, если бы в тот момент мне не было так страшно. Волосы длиной как у Улеба — чуть касаются плеч. На лбу тоже повязка — то ли ранен, то ли чтобы волосы не мешали. Правильные черты лица, волевой подбородок. Несмотря на молодость, в нем угадывалась властность. Впрочем, чего еще ожидать от воеводы...

Мужчина несколько мгновений пристально меня разглядывал, а потом бросился ко мне и вмиг очутился на коленях рядом со скамьей. Могучие руки оказались неожиданно бережными: подхватили меня под спину, прижали к широкой груди. Его влажные волосы касались моего лба, а он все раскачивал меня и повторял как заведенный:

— Всемилка... Всемилушка...

Имя отозвалось тупой болью в затылке. Я откуда-то его знала, только в тот момент не могла понять откуда.

На миг мне показалось единственно верным решением оттолкнуть этого человека и сказать, что я Надежда, Надюша, как называла мама. И вообще, это все — сон. Но сильные руки продолжали гладить меня по волосам, больно цепляясь за них мозолями, и я не смогла выдать из себя ни звука.

Наконец он отстранился и посмотрел мне в глаза. В его взгляде было столько боли, что я невольно отшатнулась.

— Все позади теперь. Все прошло. Отдыхай.

Я заторможенно кивнула и позволила уложить себя на скамью и закутать в шубу. Мне нечего было сказать. Я вдруг

с пугающей очевидностью поняла, что это все настоящее. Не бутафория, созданная по капризу богатых людей, а настоящий корабль. И Улеб, поправивший на мне отсыревший мех и повторивший в сотый раз «все позади, отдыхай», тоже настоящий. Как и мужчина, во взгляде которого облегчение мешалось с болью. Самым естественным в тот момент мне показалось заплакаться, чтобы вместе со слезами ушли стресс и страх. Но я не могла. У меня просто не осталось сил. Я вдруг почувствовала, что погружаюсь в какую-то вязкую муть. Меня бил озноб, и в этом мутном мареве на грани яви и обморока кто-то настойчиво повторял одно и то же имя: «Всемила...» — хрипло, сорванно, неверяще.

Я хотела попросить его замолчать, но вместо этого потеряла сознание.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

